

·thebigbook·

Последний
поезд на Лондон

Прекрасные
изгнанники

Мег Уэйт
Клейтон

ПРЕКРАСНЫЕ ИЗГНАННИКИ

Роман

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
К 48

Meg Waite Clayton
BEAUTIFUL EXILES

Copyright © 2018 by Meg Waite Clayton LLC
This edition is made possible under a license arrangement
originating with Amazon Publishing, www.apub.com,
in collaboration with Synopsis Literary Agency
All rights reserved

Перевод с английского Илоны Русаковой

Оформление обложки
Ильи Кучмы, Виктории Манацковой

ISBN 978-5-389-20301-3

© И. Б. Русакова, перевод, 2021
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство АЗБУКА®

Отцу, который неизменно меня вдохновляет;

Крису — главному поклоннику Хемингуэя;

*И Маку: это наша с тобой книга,
хотя они всегда наши с тобой.*

Мы разбираем завалы корреспонденции, скопившейся за долгие годы. Сын берет тонкие голубые конверты и читает вслух преисполненные любви письма Мэти ко мне («Милая Марта») и мои к ней. Он читает мою переписку с редакторами, с Гербертом Уэллсом и Элеонорой Рузвельт (мои послания просто ужасные, хотя она сама никогда бы в этом не призналась) — все это по большей части отправляется в большие коричневые конверты, чтобы в дальнейшем быть захороненным в архивах Бостона. Пусть я еще и чувствую себя бодрой, но я давно уже старуха, зрение мое с каждым днем угасает, и этот маленький коттедж — убежище писательницы — начинает давить на меня. Сын помогает мне навести здесь порядок. Он не пропускает ни одного письма, озвучивает первый абзац или два, а иногда весь текст целиком, и только после этого я принимаю решение.

Он достает из мятого конверта очередное послание и читает:

— «Дорогая Муки!»

Я забираю у него письмо, бросаю в камин и наблюдаю за тем, как лист бумаги, сгорая в голубых и красных языках пламени, постепенно превращается в пепел. Мне не нужно напрягать глаза, я знаю, как оно подписано: либо «Твой товарищ Э.» (как это было на заре наших отношений), либо «С лю-

бовью, Клоп», либо «Твой Бонджи» (как это было потом). Бонджи — одно из многих прозвищ, которыми мы по очереди награждали друг друга. Но я никогда не была *его* Бонджи, просто не могла, даже если бы захотела или попыталась ею стать. Не исключено, что именно в этом и состояла моя ошибка, но я всегда оставалась Мартой Эллис Геллхорн, даже после того, как стала миссис Эрнест Хемингуэй.

Часть первая

Ки-Уэст, Флорида

Декабрь 1936 года

Хаос, пропахший алкоголем и залитый ярким солнечным светом, — вот какой мне вспоминается та зима, когда я познакомилась с Эрнестом. Мне было тогда двадцать восемь лет. В Рождество исполнялся год, как умер отец, и у Мэти, которая горевала все это время, выцвели глаза и вдруг разом поседели золотистые волосы. Она не хотела проводить праздники в Сент-Луисе без папы, и мы отправились из Миссури в Майами, но изнывали там от тоски, а потому сели в машину и поехали в городок, название которого завладело нашим воображением, как только мы увидели его на борту экскурсионного автобуса: Ки-Уэст. Брат вел машину, мама сидела рядом с ним, а я устроилась возле открытого окна на заднем сиденье. Миновав бесконечную череду мостов, мы прибыли на край земли. Этот городок восхищал своим упадком и разложением. Местные жители не утруждали себя ничем, кроме ловли морских черепах и раскалывания кокосов; они потели от жары и сплетничали, сидя на обшарпанных террасах очаровательных разноцветных домишек и на ласковых пляжах, где сразу вспоминались «Одиссея», или «Моби Дик», или маленькая Русалочка, которая не смогла убить принца ради собственного спасения.

— Мы ведь не пройдем мимо бара с говорящим названием «Неряха Джо»? — спросила Мэти.

Вообще-то, наша прогулка близилась к концу: мы уже полюбовались видами с маяка, устроили пикник на пляже, а потом стряхнули песок и, потные с головы до ног, собирались садиться в машину, чтобы найти место, где можно принять прохладную ванну и вымыть спутавшиеся на ветру волосы. Но мы с мамой старались лишний раз ни в чем не отказывать друг другу. Вот отец, тот никогда особо не баловал домочадцев.

Вероятно, Хемингуэй сразу заметил нас, как только мы вошли. Помню, как посетители обернулись на открывшуюся дверь, а мы сперва лишь растерянно моргали: слишком разительным был контраст между безжалостным солнцем на улице и царившим внутри полумраком. Теплое дерево барной стойки, лужицы растаявших кубиков льда на полу и ряды бутылок «Кампари», виски и рома... Верзила-бармен поприветствовал нас из-за длинной подковообразной стойки, а на другом конце заведения шумные завсегдатаи уже вновь переключили свое внимание на партию в бильярд: они играли на деньги — здесь все было серьезно. Какой-то мужчина, не особо уступающий по габаритам бармену, с заметным усилием оторвался от вороха бумаг на столе. Ну и видок у него был: футболка вся в пятнах, а потрепанные шорты подпоясаны веревкой.

Незнакомец с удивительным проворством в несколько шагов преодолел расстояние между нами, приветственно кивнул и представился:

— Эрнест Хемингуэй.

Капелька пота медленно потекла у меня по шее, затем по спине и впиталась в темную ткань открытого платья, которое и без того было влажным и мятым после долгого сидения в машине, я уж молчу про пикник на пляже. Мэти мимолетным движением прикоснулась к моему плечу. Это был знак

забыть о своем высоком росте и держаться прямо. Я же тем временем пыталась осознать происходящее: неужели этот босой, подпоясанный веревкой чумазый мужчина и впрямь Эрнест Хемингуэй? Да, знакомая картина: характерный контур волос на лбу, напоминающий перевернутый треугольник, — в народе эту особенность именуют вдовьим мысом; взгляд искусителя. Каждое утро, когда я просыпалась в своей комнате в общежитии колледжа Брин-Мар, на меня с фотографии на стене смотрели эти глаза.

— Очень приятно, — сказала Мэти. — Меня зовут Эдна Геллхорн. Это мой сын Альфред, а это Марта.

Просто «Марта», а не «моя дочь Марта». Понятно, что после такого представления Хемингуэй мог принять нас с братом за молодоженов, которые только что сошли с яхты... Но у меня в голове крутилась лишь одна мысль: «Черт, это действительно он!» Тот самый знаменитый Эрнест Хемингуэй, который сумел выловить у берегов Кубы невероятных размеров марлина, а на охоте в Кении убивал диких зверей; тот, кто творил в Париже, когда я жила там; тот, кого я мечтала хотя бы мельком увидеть, как писатель мечтает хотя бы однажды увидеть в реальности свой персонаж. Эрнест Хемингуэй и Фрэнсис Скотт Фицджеральд были моими героями. Фото Фицджеральда я бы тоже повесила на стену, если бы он выглядел так же неотразимо, как и писал.

С храбрыми не бывает беды. Эту цитату из романа «Прощай, оружие!» я выбрала в качестве эпитафии для своей первой — и, слава богу, вскоре забытой — книги «Такая безумная погоня» («What Mad Pursuit»). Если помните, у Хемингуэя главный герой, лейтенант санитарных войск, адресовал эти

слова медсестре, в которую влюбился. Правда, она ответила ему: «Все равно и храбрые умирают».

Брат сказал Хемингуэю, что мы приехали в Ки-Уэст на праздники, поскольку соскучились по солнцу, а Мэти добавила, что в Сент-Луисе в это время года существовать просто невыносимо. Я судорожно пыталась придумать что-нибудь более оригинальное, ведь как-никак я считала себя писательницей.

Но Эрнест Хемингуэй уже повернулся к бармену и произнес тоном, каким обращаются если не к сообщнику, то по крайней мере к человеку одной с тобой весовой категории:

— Скиннер, не нальешь «Папа добле»¹ моим друзьям из Сент-Луиса?

Моим друзьям. Хемингуэй знал, что это нас очарует, и я разгадала его уловку, но все равно купилась. Я попала под его чары и одновременно испытала облегчение оттого, что он не потерял к нам интереса. Да, этот Хемингуэй скорее принадлежал к поколению Мэти, а не к моему, но в его грубоватости было что-то привлекательное и милое, такие чувства испытываешь, когда видишь, как из воды поднимается *Balaenoptera musculus* — большой синий кит.

Пока Скиннер выжимал в ржавый блендер четыре отменных грейпфрута и восемь лаймов, после чего spraysкивал все это пугающим количеством рома и ликера «Мараскин», Хемингуэй предавался воспоминаниям.

— Я бывал в Сент-Луисе в молодости. Все стоящие женщины в этом мире родом из Сент-Луиса.

---

¹ «Папа добле», или «Двойной Папа», — вариация коктейля «Дайкири», придуманная Эрнестом Хемингуэем в начале 1930-х годов и названная барменом Константино Рибалайгуа в его честь. — *Здесь и далее примеч. перев.*

Далее он поведал нам, что обе его жены окончили там школу, опустив тот факт, что с легкостью оставил первую супругу ради второй, богатой и более искушенной.

— И кстати, мои друзья — Билл и Кэти Смит — тоже оттуда. Прекрасный город Сент-Луис.

Потом Хемингуэй заговорил о погоде, но в своем стиле: рассказал внушающую ужас историю об урагане, который стер с лица земли половину домов в Ки-Уэсте и убил сотни ветеранов в реабилитационных центрах.

Гудение блендера вмешалось в повествование до того, как он успел обвинить в их гибели президента Рузвельта, а Мэти — выразить свое негодование по этому поводу. Повисла пауза, и я заметила укороченный кий, прислоненный к стене за стойкой бара.

— О, Скиннер и его кий! Но разве их место не в Гаване? — удивилась я.

Брат однажды показал мне какой-то мужской журнал, где печаталась серия «писем» Хемингуэя из разных экзотических мест. Там он, помнится, описывал бармена, который держал за стойкой укороченный кий и лупил им по голове посетителей, когда в их заведении начиналась заваруха.

— В Гаване? — переспросил Хемингуэй.

— Вы же рыбачили на Кубе, — сказала я. — Я читала ваши «Письма из Гаваны». Кажется, в журнале «Эсквайр».

— Я рыбачил на Кубе, пока бедняга Скиннер колдовал над выпивкой здесь, в Ки-Уэсте.

Скиннер с высоты метко разлил коктейль по бокалам и расставил их перед нами. Сложно было представить ситуацию, когда такому крупному мужчине мог в качестве оружия понадобиться бильярдный кий, тем более укороченный. И еще труднее

было смириться с тем, что этот кий находится тут, во Флориде, в то время как в моем сознании он был накрепко привязан к дешевому бару в Гаване.

Хемингуэй собрал в кучу свою корреспонденцию и журналы и переложил всё на дальний табурет.

— Садитесь, если не хотите, чтобы я уступил вам свое место, — настойчиво сказал он и придвинул один табурет Мэти, а другой мне.

Потом сел сам. Табурет казался слишком хлипким для его габаритов. Темные глаза Хемингуэя были сфокусированы на моей матери, но я представляла, что боковым зрением он видит и меня тоже. А еще представляла, как он помещает нас с Мэти и братом в свою историю, которая впоследствии окажется в одной из его книг и станет бессмертной.

Пока Альфред освобождал для себя табурет, заваленный корреспонденцией Хемингуэя, тот поднял бокал и, обращаясь к нам с Мэти, провозгласил тост:

— Добро пожаловать в мой уголок ада!

Он посмотрел на Мэти и отпил глоток из бокала, наверняка уже не первого за день... И даже не второго.

Генерал Джордж Кастер, который держал оборону на последнем рубеже на картине, висевшей над стойкой, был явно недоволен.

— Мой сын учится на последнем курсе Медицинского университета, — произнесла Мэти. — А моя дочь... Вы, конечно, знаете о ее последней книге «Бедствие, которое я видела»?

— Мама, — попыталась вмешаться я.

Хемингуэй повернулся ко мне; мы были настолько близко друг от друга, что я едва ли не слышала, как у него в голове прокручиваются слова: «Она дочь Мэти».

Я прикурила сигарету до того, как он успел предложить мне зажигалку, если, конечно, вообще был в состоянии сейчас об этом думать. И почувствовала, что для него женщина-дочь — разочарование, как и женщина-писатель. А уж обе в одном флаконе тем более.

— «Бедствие, которое я видела»?.. Да, что-то такое припоминаю. Это ведь о Великой депрессии? — Хемингуэй явно понятия не имел об этой книге и цеплялся за название. — Поделитесь, о чем вы писали, мисс Марта Геллхорн, дочь прекрасной Эдны?

Он улыбался Мэти, а Скиннер поставил передо мной пепельницу.

— Вообще-то, это не совсем моя книга, — тихо ответила я.

Только так, вполголоса, я могла говорить о гувервиллях¹, которые шаг за шагом исследовала, пока собирала материал для своей книги. Гувервилли — это лачуги и палатки, лужи с белой пеной, сточные канавы, мухи, мошкара и крысы, тощие коты, собаки и козы, ну и конечно же донельзя исхудавшие, ослабленные и больные люди. Самое меньшее, что я могла сделать для этих несчастных, чтобы сохранить их достоинство, — это хотя бы на бумаге выразить свой гнев и возмущение, попытаться объяснить, что так быть не должно.

— То есть это роман, однако все истории реальные, — пояснила я. Да, я использовала художественную форму, но только для того, чтобы защитить людей, которые стыдились своего существования и винули во всем самих себя. — Маленькая девочка ищет в вонючей луже колесо от ручной тележки.

---

¹ Термином «гувервилль» обозначались небольшие поселения, которые строили и где были вынуждены жить тысячи американцев, потерявших жилье и работу в результате Великой депрессии 1929–1933 гг.

Мать устраивает для своей дочки пир из одной банки консервированной рыбы. И...

Я затушила наполовину выкуренную сигарету в чистой пепельнице, мне совсем не хотелось выставить себя перед Эрнестом Хемингуэем слезливой сентиментальной дурочкой. Я собиралась сказать «малышка», но слово застряло у меня в горле. Той малышке было всего четыре месяца, у нее из-за сифилиса развился прогрессивный паралич, но врачи отказывались делать ей уколы, которые стоили каких-то жалких двадцать пять центов. Тогда, в больнице, я выложила все свои деньги ради той крохотной девчужки с таким красивым и многообещающим именем — Эбигейл Джун.

— Тяжко писать о том, что цепляет за самое нутро, да? — спросил Хемингуэй. — Но только так и следует писать каждому из нас. С осколком между сердцем и позвоночником.

— Один обозреватель сравнил Марти с Достоевским, Диккенсом и Гюго, — вставил Альфред. — А ее фото поместили на обложке журнала «Сатердей ревью»...

— Я читала все ваши книги, мистер Хемингуэй, — перебила я брата.

На месте Эрнеста Хемингуэя я бы точно сбежала от семейки сумасшедших, которые вообразили, будто отзывы об их пишущей дочери и сестре достойны упоминания в его присутствии.

— «Прощай, оружие!» — это что-то невероятное. — На мой взгляд, Фредерик Генри был выписан лучше, чем медсестра, но история все равно брала за душу. — Я, когда прочитала этот роман, все бросила, схватила пишущую машинку и отправилась во Францию.

— Приятно думать, что моя работа вдохновляет девушек бросить учебу.

— Ну, положим, на это мою сестру и вдохновлять было не надо, — заметил Альфред. — Она к тому времени уже и так ушла из колледжа. Не позволяйте ей морочить вам голову, сэр.

— Сэр? — Эрнест повернулся ко мне. — Марти, если вы тоже назовете меня «сэр», мне придется позвонить свежее испеченному королю Георгу и потребовать свой рыцарский крест.

Он весело рассмеялся, допил коктейль и продемонстрировал пустой бокал Скиннеру.

— После колледжа я бы умерла от скуки в какой-нибудь конторе, где одна радость — вид из окна.

Я задыхалась в атмосфере Брин-Мара, где девушки интересовали только наряды, цвет губной помады и свидания с парнями из Лиги плюща. Все мои сокурсницы дружно сплетничали, а если и хранили секреты, то лишь для того, чтобы показаться лучше других. Я ушла из колледжа, чтобы заняться литературой. Возможно, я была не бог весть какой писательницей, и отец вполне справедливо назвал мой первый опус «образчиком возвышенной чуши, которой забита голова студентки». Но мой второй роман был уже значительно лучше, я чувствовала это.

— Какая хорошая и умная девушка. Наверное, эта девушка собирается написать новую книгу? — поинтересовался Хемингуэй.

— Я больше ни на что не гожусь, мистер Хемингуэй.

— Просто Эрнест, — поправил он.

— Эрнест.

Я думала о том, что по большому счету только писательство меня и спасло, удержало от сползания в болото сомнений. Мне было интересно узнать: Эрнест Хемингуэй в этом хоть немного такой же, как

и я? Этот знаменитый писатель хотя бы иногда сомневался в своих текстах, в собственной значимости? Задавался вопросом: стоит ли выкладываться ради книги, которую могут, не дочитав и до середины, оставить на скамейке на вокзале, даже если дорога предстоит очень долгая?

Как-то само собой получилось, что я начала рассказывать Эрнесту о своем отношении к писательству. Наверное, потому, что это и впрямь его интересовало. После романа «Бедствие, которое я видела» у меня появилась тьма идей, и в надежде, что мне выпадет шанс писать о том, что происходит в Европе, я заваливала ими «Таймс», «Нью-Йоркер» и вообще всех, кто имел отношение к прессе. Гитлер уже не первый год бесчинствовал: ограничивал допуск евреев к университетскому образованию, к врачебной или юридической практике, а в сентябре 1935 года на съезде Национал-социалистической партии в Нюрнберге по его инициативе были приняты так называемые Расовые законы. Но все мои предложения не находили отклика. Эта тема никого не интересовала. Тогда я наскребла на дорогу в Париж (ночевка в тамошних модных отелях любому по карману ударит) и оттуда отправилась дальше, в Штутгарт и Мюнхен. Нацистское отребье настолько потрясло меня своей мерзостью, что, вернувшись домой, я решила написать пацифистский роман.

— А когда закончу его, собираюсь поехать в Испанию. Буду писать репортажи о гражданской войне.

Потом мы еще долго говорили об Испании, о том, что это передний край, на котором можно остановить фашистскую заразу.

— Все знают, что у них руки по локоть в крови, — сказала я, — однако всему миру почему-то наплевать.

— Я оплатил отправку двух добровольцев в Интернациональные бригады и собираюсь послать республиканцам полторы тысячи баксов на санитарные машины.

В ту пору полторы тысячи долларов составляли для простого человека годовое жалование.

— Деньги — это всего лишь деньги, не больше того, — ответила я. — Главное — рассказать людям правду, а для этого надо видеть все своими глазами.

— Эрнест, вы уж простите, похоже, я плохо воспитала дочь, — вмешалась Мэти. — У нее темперамент перечеркивает все манеры.

Но Хемингуэй уже смеялся:

— Хорошо, Дочурка, я понял: отправлюсь в Испанию, как только закончу свой новый роман. А пока давай договоримся: в Мадриде я угощаю тебя «Папа добле». Идет?

— Тогда придется взять с собой Скиннера, — заметила я.

— А для Скиннера — большущий чемодан.

— Лучше сундук.

— Но не простой, а громадный такой сундук.

Мы все дружно рассмеялись, и Хемингуэй показал Скиннеру на мой пустой бокал, намекая на вторую порцию «Папа добле». А вот бокалы Мэти и брата были еще полными.

Я достала сигарету, а Эрнест взял у меня зажигалку.

— О войне чертовски трудно писать правду, так что для писателя нюхнуть пороху очень даже полезно.

Он чиркнул зажигалкой и поднес пламя к моей сигарете. У меня мурашки по спине пробежали, когда он на секунду придержал мою руку. Сама от себя такого не ожидала. Вот же чертов Эрнест Хемингуэй!

— Но естественно, завистливые недоноски, которые даже не знают, за какой конец держать винтовку, всегда постараются низвести твой опыт до нуля.

Я жадно затянулась и укрылась за дымовой завесой своей неопытности. В Европе я не раз сталкивалась с угрозой войны, но увидеть войну своими глазами мне еще только предстояло.

— Да, Испания — вот куда стоит поехать, когда я закончу книгу, — заключил мой собеседник. — У меня здесь прекрасный дом и прекрасная семья. Но когда поставишь точку, покой начинает действовать на нервы.

— Вы не расскажете о своей новой книге, мистер Хемингуэй? — попросила я.

— Просто Эрнест. И давайте уже перейдем на «ты», — предложил он.

— Эрнест, — повторила я и пригубила вторую порцию коктейля.

У меня голова пошла кругом. Перейти на «ты» с самим Эрнестом Хемингуэем — в это было просто невозможно поверить.

А он принялся описывать нам сюжетные повороты истории, которая должна была стать его третьим романом «Иметь и не иметь». Это была история рыбака, который в попытке уберечь семью от нищеты соглашается перевозить с Кубы в Ки-Уэст виски и другую контрабанду. Слушать, как знаменитый писатель рассказывает отдельные, еще не оформившиеся в книгу эпизоды, — это было что-то невероятное. Я была уверена, что если буду слушать внимательно и ничего не упущу, то пойму, как Эрнест Хемингуэй это делает. Догадаюсь, каким образом он подбирает правильные слова и, как будто гвозди, метко и уверенно вбивает их в «доску» сюжета, и тогда пусть и не на таком уровне, но тоже смогу овладеть литературным мастерством.

Хемингуэй увлекся сам и увлек всех нас, но тут в дверях бара появился какой-то хорошо одетый мужчина.

— Эрнест, старина, вот ты где!

Хемингуэй встал с табурета и представил нам своего друга:

— Томпсон, владелец здешней скобяной лавки, мы вместе рыбачим. Томпсон, это Эдна Геллхорн. Ее сын Альфред. И дочь Марти, писательница. Ты, наверное, читал «Бедствие, которое я видела»? Миссис Рузвельт высоко оценила этот роман.

— Да, конечно, — кивнул Томпсон. — Но тебя ждут Полин, гости и великолепный ужин с лангустами.

Эрнест предложил своему приятелю сесть и выпить, но тот решительно отказался.

— Геллхорны приехали из Сент-Луиса, — сказал Эрнест. — Между прочим, супруг Эдны — доктор.

Мэти уже успела очаровать Хемингуэя: ему нравилось, что она, как и его мать, вышла замуж за врача, но при этом была совсем на нее не похожа — открытая для общения и без диктаторских замашек.

Томпсон был очень мил, выразил надежду, что нам нравится в Ки-Уэсте (брат заверил, что так оно и есть), однако упорно гнул свою линию:

— Это все очень хорошо, Эрнест, но стол уже накрыт.

— Да-да, ты иди, — ответил Хемингуэй.

— Полин послала меня за тобой, — не сдавался Томпсон.

— О, не стоит из-за нас задерживаться, — произнесла Мэти, — вас ждут гости.

— Иди, Томпсон, — повторил Эрнест. — Передай Полин, я здесь перекушу, пусть не волнуется —

с голоду не умру. И скажи, что я подтянусь позже, успею на бокал «Пенья».

Эрнест хотел, чтобы Томпсон передал его жене, что он настолько занят, выпивая у Скиннера, что не может присутствовать на званом ужине в собственном доме. Я не сомневалась, что при этом Томпсон вряд ли вспомнит о Мэти и моем брате, но наверняка отрапортует супруге о длинноногой блондинке в черном летнем платье, как будто обо мне больше и сказать нечего.

Клейтон М. У.

К 48 Прекрасные изгнанники : роман / Мег Уэйт Клейтон ; пер. с англ. И. Русаковой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 480 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-20301-3

Эрнест Хемингуэй и Марта Геллхорн. Известный писатель и молодая талантливая журналистка. Они познакомились в Ки-Уэсте в 1936 году. Их дружба, основанная на письмах, разговорах и семейных обедах, перерастает в бурную любовную интригу, когда они вместе отправляются в Мадрид освещать гражданскую войну в Испании. Марта восхищается талантом, добротой и страстью Хемингуэя. А он восхищается ее красотой, бесстрашием и честолюбием.

В их любви есть все: дружба, соперничество, притяжение славы и власти, потребность в независимости, интеллектуальные споры. И как говорит Марте Хемингуэй, самые сильные любовные истории всегда противопоставляются ярости войны.

«Прекрасные изгнанники» — это великолепный роман о любовниках и соперницах, о захватывающем дух влечении к славе, а также об опередившей свое время женщине, которая отстаивает свою личность на обломках любви.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

МЕГ УЭЙТ КЛЕЙТОН
ПРЕКРАСНЫЕ ИЗГНАННИКИ

Ответственный редактор Ольга Рейнгерверц
Редактор Ирина Беличева
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Лариса Ершова, Елена Терскова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 02.12.2021. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 21,15. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-MBB-29152-01-R